

ОЛССОН (OLSSON) против ШВЕЦИИ

Судебное решение от 24 марта 1988 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Во время относящихся к делу событий заявители, супруги г-н Стиг Олссон и г-жа Гун Олссон, граждане Швеции, проживали в Гетеборге. У них было трое детей, рожденных в браке, — Стивен, Хелена и Томас, соответственно в 1971, 1976 и 1979 гг.

Окружной Совет по социальным проблемам № 6 г. Гетеборга в январе 1980 г. решил, что детей следует взять под наблюдение и изучить социальное положение семьи, а в августе 1980 г. над детьми был установлен временный надзор. В представленном докладе о социальном положении семьи содержался вывод, что развитие детей находится под угрозой, поскольку они живут в неблагоприятной обстановке, их родители неспособны удовлетворить потребности детей в уходе, воспитании и защите, и 16 сентября Совет решил передать детей на государственное попечение.

Это решение было впоследствии подтверждено Окружным административным судом; обращение заявителей в Апелляционный административный суд было отклонено, и им было отказано в подаче жалобы в Верховный административный суд.

В результате решения от сентября 1980 г.:

Стивен был помещен в школу-интернат в Гетеборге, руководимую Советом по делам детей с замедленным умственным развитием, а через некоторое время — в приемную семью, проживавшую примерно в ста километрах от дома заявителей в Гетеборге. Он оставался там более двух лет, а затем был переведен в детский дом, управляемый тем же Советом, примерно в восьмидесяти километрах севернее Гетеборга.

Хелена и Томас были направлены в разные приемные семьи, дома которых находились на расстоянии около ста километров друг от друга и примерно шестисот километров к северо-востоку от Гетеборга.

В июне 1982 г. Совет отклонил просьбу заявителей отменить принятые меры; их последующие жалобы.

Период с 1983 г. по 1986 г. г-жи Олссон так же остались без последствий. Все это время начиная с конца 1980 г. доступ родителей к детям был ограничен.

Лишь 16 февраля 1987 г. Апелляционный административный суд принял решение о воссоединении Стивена с его родителями, что и было сделано. Верховный административный суд 18 июня 1987 г. принял аналогичное решение в отношении Хелены и Томаса.

Оговорив это однако, в соответствии с Законом 1980 г. о передаче детей на государственное попечение, некоторыми условиями и прежде всего состоянием детей. На этом основании июня 1987 г. Совет запретил заявителям впредь, до последующего уведомления, забирать Хелену и Томаса из приемных семей; неоднократные обращения заявителей с просьбой отменить это решение встретили отказ и решение суда было выполнено только через три года.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 10 июня 1983 г., заявители утверждали, что решения, разлучившие их с детьми, нарушили статью 8 Конвенции, а также ее статьи 3, 6, 13, 14 и статью 2 Протокола № 1. Жалоба была признана приемлемой 15 мая 1985 г.

В своем докладе от 2 декабря 1986 г. Комиссия установила факты и выразила мнение, что:

— решения об установлении государственного попечения над детьми заявителей в сочетании с их помещением в разные приемные семьи, проживавшие на далеком расстоянии от места жительства заявителей, явились нарушением статьи 8 Конвенции (восемь голосов против пяти);

— нарушение статей 3, 6, 13 или 14 Конвенции или статьи 2 Протокола № 1 не имело места (единогласно).

Дело было передано в Суд Комиссией 13 марта 1987 г. и шведским Правительством 13 апреля 1987 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РЕШЕНИЯ СУДА

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предмете судебного разбирательства

54. В своих жалобах заявители указали на ряд предполагаемых нарушений Конвенции, являющихся следствием, во-первых, шведского законодательства о правовом положении детей и, во-вторых, шведской судебной практики.

Суд напоминает, что при разбирательстве дела на основе жалобы, поданной в соответствии со статьей 25 Конвенции, он вынужден ограничиться, насколько возможно, рассмотрением конкретного дела (см. решение по делу *Ф. против Швеции* от 18 декабря 1987 г. Серия А, т. 128, с. 16, п. 31). Соответственно, задача Суда заключается не в оценке шведского права и практики его применения *in abstracto*, а в том, чтобы определить, привело ли его применение в случае г-на и г-жи Олссон к нарушению Конвенции.

55. Во время слушания в Суде Правительство заявило, что в своем докладе Комиссия вышла за рамки принятого ею решения о приемлемости от 15 мая 1985 г., рассмотрев ряд мер, которые не были тщательно изучены или в отношении которых — на указанную выше дату — не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Соответственно, по мнению Правительства, Суд не должен рассматривать, во-первых, меры относительно посещения заявителя своих детей, принятые Советом 21 октября 1980 г.,

10 августа 1982 г., 2 августа 1983 г., 6 декабря 1983 г. и 30 октября 1984 г., а также постановления Окружного административного суда от 17 ноября 1982 г., во-вторых, решения, принятые Советом 6 декабря 1983 г. и 30 октября 1984 г. и касающиеся отклонения прошений заявителей об отмене попечения (см. п. 30 и 31 выше).

В ответ Комиссия заявила, что она следовала своей обычной практике рассматривать факты дела такими, каковы они были на момент составления доклада, и что в то время, когда данное дело рассматривалось в Комиссии, Правительство не выдвигало аргумента о неисчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении вышеуказанных решений.

56. Суд отмечает, что все вышеуказанные решения были приняты раньше, чем состоялись заседания Комиссии по вопросу о приемлемости и существе дела (15 мая 1985 г.). В этих обстоятельствах ничто не мешало Правительству выдвинуть возражение о неисчерпанности внутренних средств правовой защиты (см. решение по делу Боцано от 18 декабря 1986 г.) Серия А, т. 111, с. 19, п. 44). Более того, вопросы относительно права заявителей посещать своих детей и их прошений об отмене государственного попечения были затронуты на этом заседании.

Кроме того, статья 47 Регламента Суда предусматривает, что «сторона, желающая выдвинуть предварительное возражение, должна подать официальное заявление с изложением этого возражения и его обоснованием не позднее того момента, когда эта сторона информирует Председателя о своем намерении не представлять памятной записки. Такой документ не был представлен по существу дела, равно как и выше указанное заявление и выдвинуло возражение лишь на заседании Суда. Поэтому заявление Правительства должно быть отклонено как опоздавшее.

Решение Комиссии о признании жалобы приемлемой определяет рамка рассмотрения дела Судом. Однако, в интересах экономии процесса, он может принимать во внимание и другие факты, если они представляют собой продолжение фактов, лежащих в основе жалоб, признанных приемлемыми (см. решение по делу Уикса от 2 марта 1987 г. Серия А, т. 114, с. 21, п. 37). По мнению Суда, вышеуказанные меры можно рассматривать как подпадающие под эту категорию, и, следовательно, приняв их во внимание, Комиссия действовала должным образом.

57. С другой стороны, решения 1987 г. относительно запрета на возврат Хелены и Томаса из приемных семей (см. п. 32 выше) являются предметом дополнительной жалобы, которую г-н и г-жа Олссон подали в Комиссию 23 октября 1987 г. Никакие новые вопросы, поднятые в этой жалобе, не могут быть разрешены Судом в настоящем решении (см. решение по делу Шведского профсоюза машинистов от 6 февраля 1976 г. Серия А, т. 20, с. 13, п. 34, и вышеупомянутое решение по делу Уикса).

II. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

A. Введение

58. Заявители утверждали, что решение властей взять детей под попечение, способ осуществления этого решения и отказ властей отменить попечение привели к нарушению статьи 8 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственных органов в осуществление этого права, за исключением вмешательства, предусмотренного законом и необходимого в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

Нарушение оспаривалось Правительством, но было признано большинством членов Комиссии.

59. Для родителей и детей быть вместе — это основа семейной жизни; более того, естественные семейные отношения не прекращаются ввиду того, что ребенок взят под государственное попечение (см. решение по делу *W. против Соединенного Королевства* от 8 июля 1987 г. Серия А, т. 121, с. 27, п. 59). Из вышесказанного следует, и это не

оспаривалось Правительством, что обсуждаемые меры фактически означали вмешательство в осуществление права заявителей на уважение их семейной жизни.

Подобное вмешательство означает нарушение статьи 8, если оно не было предусмотрено законом и не имело цель или цели, которые являются правомерными в соответствии со статьей 8 п. 2, и было “необходимо в демократическом обществе” для осуществления указанной цели или целей (там же, с. 27, п. 60(a)).

В. “Предусмотрено законом”

55. Заявители не отрицали, что власти действовали в соответствии со шведским законом. Однако они утверждали, что власти приняли меры не “в соответствии с правом” по смыслу статьи 8, поскольку законодательством не были установлены ограничения на применение дискреционных полномочий и закон был сформулирован столь неопределенно, что результаты его применения оказались непредсказуемыми.

Правительство оспаривало это утверждение, с чем не согласилась Комиссия.

56. Среди требований, которые Суд определил как вытекающие из фразы “предусмотрено законом”, имеются следующие:

(a) Какая-либо норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована с достаточной точностью так, чтобы гражданин самостоятельно или, если понадобится, с профессиональной помощью мог предвидеть с долей вероятности, которая может считаться разумной в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие. Однако опыт показывает, что абсолютная точность недостижима и что необходимость избегать чрезмерной жесткости формулировок и следовать за изменяющимися обстоятельствами ведет к тому, что многие законы неизбежно изложены в терминах, которые в большей или меньшей степени, являются неопределенными (см., например, решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 31, п. 49).

(b) Фраза “предусмотрено законом” не просто отсылает обратно к внутреннему праву, но имеет в виду и качество закона, требуя, чтобы последний соответствовал принципу верховенства права. Таким образом, подра-

зумеается, что во внутреннем праве должны существовать определенные меры защиты против произвольного вмешательства публичных властей в осуществление прав, охраняемых *inter alia* п. 1 статьи 8 (см. решение по делу Малоун от 2 августа 1984 г. Серия А, т. 82, с. 32, п. 67).

(с) Закон, который предусматривает дискреционные полномочия, сам по себе не является несовместимым с требованиями предсказуемости при условии, что дискреционные полномочия и способ их осуществления указаны с достаточной ясностью для того, чтобы с учетом правомерности цели указанных мер обеспечить индивиду адекватную защиту от произвольного вмешательства властей (см. решение по делу Гиллоу от 24 ноября 1986 г. Серия А, т. 109, с. 21, п. 51).

57. Шведский закон, применимый к данному делу, является, по общему признанию, весьма неопределенным по своей терминологии и представляет довольно широкие пределы усмотрения, в особенности в отношении проведения в жизнь решений по делам об установлении государственного попечения. В частности, он предусматривает возможность вмешательства властей в случае, если здоровье или развитие ребенка находятся под угрозой или в опасности, не требуя представления доказательства реального вреда (см. п. 35, 37 выше).

С другой стороны, обстоятельства, требующие взятия ребенка под государственное попечение и осуществления такого решения настолько разнообразны, что едва ли возможен закон, предусматривающий все случаи. Если бы в своем праве действовать власти были ограничены случаями конкретного признания вреда. Это бесосновательно снизило бы эффективность необходимой ребенку защиты. К тому же, гарантии против произвольного вмешательства обеспечиваются тем, что осуществление почти всех предусмотренных законом полномочий или поручено, или подконтрольно административным судам на нескольких уровнях. Это относится и к учреждению попечения над ребенком, отказу снять его и большинству шагов по исполнению соответствующих решений (см. п. 44, 45, 50 выше). Учитывая эти гарантии, объем дискреционных полномочий, предоставленных законом властям, представляется Суду весьма разумным и приемлемым для целей статьи 8.

58. Таким образом, Суд пришел к заключению, что указанное вмешательство властей было “предусмотрено законом”.

С. Правомерная цель

59. Заявители утверждали, что из всех целей, перечисленных в п. 2 статьи 8, только “охрана здоровья или нравственности” могли бы оправдать решение установить попечение над их детьми, но здоровью или нравственности последних реально ничто не угрожало, на момент принятия решения.

Комиссия, с другой стороны, сочла, что эти решения были приняты в интересах детей и имели законную цель охраны их здоровья или нравственности, а также защиты “прав и свобод других лиц”.

60. По мнению Суда, соответствующее шведское законодательство было принято с целью защиты детей, и ничто не дает оснований предполагать, что в данном случае оно было использовано с какой-то иной целью. Таким образом, вышеуказанное вмешательство, призванное обеспечить нормальное развитие Стивена, Хелены и Томаса, отвечает правомерным целям п. 2 статьи 8, что и признано Комиссией.

D. “Необходимо в демократическом обществе”

66. Заявители утверждали, что обсуждаемые меры не могут рассматриваться как “необходимые в демократическом обществе”. Это утверждение оспаривалось Правительством, но было принято большинством Комиссии.

1. Введение

61. В соответствии со сложившейся практикой Суда, понятие необходимости подразумевает, что вмешательство соответствует какой-либо насущной общественной потребности и, что оно соразмерно преследуемой правомерной цели. При определении того, является ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе”, Суд учитывает, что за государствами — участниками Конвенции остается определенная свобода усмотрения (см. среди многих источников вышеупомянутое решение по делу *W. против Соединенного Королевства*. Серия А, т. 121, с. 27, п. 60 (b) и (d)).

62. Во время слушания дела в Суде имела место продолжительная дискуссия по вопросу о том, какую позицию должны занять органы Конвенции в решении спорного вопроса о “необходимости”.

Представитель Комиссии суммировала подход большинства ее членов следующим образом: “оставаться... в пределах решений национальных судов и после их детального изучения сделать вывод, свидетельствует ли (их) содержание... о наличии достаточных оснований для учреждения над ребенком государственного попечения”. Она кратко сформулировала подход меньшинства членов Комиссии к данному вопросу таким образом: необходимо “оставаться в пределах решений национальных судов и убедиться, что их мотивация говорит о том, что эти решения не основывались на обстоятельствах дела или что были использованы нормы и критерии неприемлемые для установления государственного попечения”. По существу вопрос состоит в том, правильно ли национальный суд определил “необходимость”. Правительство предпочло точку зрения меньшинства, добавив, что национальным властям предоставлено широкое поле усмотрения и нет оснований считать, что их решения были приняты недобросовестно, без должной осторожности и разумных оснований.

Подход, которого последовательно придерживался Суд и от которого нет оснований отступить и в данном случае, несколько отличается от точек зрения, изложенных выше. Прежде всего, его контроль не ограничивается установлением того, осуществляет ли государство-ответчик свое дискреционное право разумно, осторожно и добросовестно (см. *inter alia* вышеупомянутое решение по делу “Санди таймс”. Серия А, т. 30, с. 36, п. 59). Далее, осуществляя свою надзорную юрисдикцию, Суд не может ограничиться рассмотрением оспариваемых решений как таковых, вне контекста данного дела в целом; должно быть установлено, являются ли мотивы, приведенные для обоснования рассматриваемого вмешательства, “относящимися к делу и достаточными” (см. среди других источников *mutatis mutandis* решение по делу Лингенса от 8 июля 1986 г. Серия А, т. 103, с. 25—26, п. 40).

69. Вывод, что имело место нарушение статьи 8, большинство Комиссии основывало на решениях об установлении попечения над детьми заявителей и помещении их в разные приемные семьи далеко от места жительства заявителей. В этом отношении Суд разделяет точку зрения Правительства, что эти вопросы должны рассматриваться в отдельности, т. к. факторы

и соображения, относящиеся к оценке их необходимости, могут быть различными.

2. Установление над детьми попечения и отказ отменить его

70. Заявители утверждали, что не было никакой необходимости устанавливать попечение над их детьми; они заявляли *inter alia*, что не было каких-либо конкретных фактов, свидетельствующих о том, что дети были в опасности. Поэтому отсутствовали веские причины, оправдывающие эти решения властей, а также не существовало никаких обоснованных мотивов для отказа в их просьбе отменить режим попечения.

Правительство оспаривало эти утверждения. Большинство Комиссии не было убеждено, что фактическое положение дел было настолько угрожающим, чтобы оправдать попечение над детьми; в то же время Комиссия отметила: “понятно, почему попечение не было отменено”.

71. Прежде чем перейти к вопросу по существу, следует остановиться на некоторых исходных положениях. В своем вышеупомянутом решении по делу *W. против Соединенного Королевства* Суд решил, что статья 8 имплицитно содержит некоторые процессуальные требования, в частности, чтобы при рассмотрении таких дел родители “должны играть в процесс принятия решений достаточно большую роль, чтобы обеспечить защиту своих интересов” (Серия А, т. 121, с. 26, п. 64).

Суд согласен с Комиссией, что это требование было выполнено в отношении самих решений об установлении попечения. Г-н и г-жа Олссон принимали участие в ряде совещаний, на которых рассматривалось их дело, и присутствовали на заседаниях, предшествовавших решениям Совета от 16 сентября 1980 г., где обсуждался вопрос об учреждении попечения над их детьми, и от 1 июля 1982 г. где Олссонам было отказано в отмене режима попечения (см. п. 10, 11, 12, 27 выше). Они также участвовали в слушании дела в Окружном административном суде и Апелляционном административном суде и были представлены своим адвокатом на всех стадиях судебного разбирательства.

(a) Установление попечения

72. В своем решении от 30 декабря 1980 г. (см. п. 13 выше) Окружной административный суд выдвинул следующие основания для утверждения решения Совета от 16 сентября 1980 г. об установлении попечения над детьми:

(a) в течение нескольких лет дети жили дома в неблагоприятной обстановке, поскольку родители оказались неспособны удовлетворить потребности детей в заботе, поощрении, контроле;

(b) Стивен и Томас заметно отставали в умственном развитии, а все трое детей — в овладении речью;

(c) существовал серьезный риск того, что если бы Хелена осталась в родительском доме, она могла бы остановиться в своем развитии;

(d) предупредительные меры, которые принимались в течение ряда лет, оказались безуспешными;

(e) здоровье и развитие детей оказались под угрозой в результате неспособности родителей окружить их необходимой заботой и дать им образование.

Совершенно очевидно, что эти основания имеют “прямое отношение” к решению взять детей на государственное попечение. Однако раскол семьи — серьезное вмешательство государства. Подобный шаг должен быть обоснован достаточно твердыми и вескими соображениями в интересах ребенка; как правильно отмечает Комиссия, недостаточно, чтобы попечение лишь улучшило материальное положение ребенка. Для того чтобы определить, можно ли считать вышеуказанные основания “достаточными” для целей статьи 8, Суд должен рассматривать дело в совокупности (см. п. 68 выше), и особенно обстоятельства, предшествовавшие принятию решения.

63. До принятия Советом решения о попечении от 16 сентября 1980 г. ряд различных учреждений по социальным вопросам независимо друг от друга занимался делами семьи Олссон; они скоординировали свои действия в 1979 г., после чего группа врачей-психиатров следила за прохождением дела (см. п. 9 выше). Принимались различные меры с целью помочь семье, и было проведено несколько специальных совещаний, где обсуждался этот вопрос (см. п. 9, 10, 11 выше). Поэтому нельзя сказать, что государственные органы вмешались в это дело, не обладая адекватной информацией о его обстоятельствах.

Решение Совета было основано на обстоятельном докладе, подготовленном социальными службами после того, как дети были взяты под временный надзор для изучения их положения. Доклад содержал вывод, что развитие детей находилось под угрозой, поскольку они жили в неблагоприятной обстановке по причине неспособности их родителей удовлетворять их потребности в заботе, поощрении и контроле (см. п. 12 выше). В свою очередь выводы этого доклада были подтверждены заявлениями целого ряда лиц, хорошо знакомых с обстоятельствами рассматриваемого дела, и медицинским докладом, подписанным не только доктором Босеус, но также и психологом Хеленой Фагерберг-Мосс. Оба они входили в группу, находившуюся в контакте с семьей, а Х. Фагерберг-Мосс и до создания группы встречалась с Хеленой и Томасом, чтобы определить уровень их развития, а также посещала дом заявителей.

В медицинском докладе указывалось, что сами заявители числились людьми, отстающими в умственном развитии; последующее обследование показало, что у них были средние умственные способности (см. п. 9, 12 выше). Однако, как указал Апелляционный административный суд в своем решении от 16 февраля 1987 г. (см. п. 31 выше):

“Насколько это следует из решения учредить попечение над детьми Олссонов, главным основанием для этого была не предполагаемая умственная отсталость г-на и г-жи Олссон. Основанием для принудительного вмешательства доклад назвал “неспособность родителей обеспечить детям удовлетворительный уровень заботы и воспитания”, например, ввиду очевидного отставания Стивена в умственном развитии и отставания всех троих детей в овладении речью”.

Как отметило меньшинство Комиссии, решение Окружного административного суда от 30 декабря 1980 г. не было основано исключительно на документации, имевшейся в распоряжении Совета. Суд провел предварительное слушание дела, на котором г-жа Олссон и дети были представлены адвокатом, а д-р Босеус была заслушана в качестве эксперта (см. п. 13 выше); таким образом, суд имел хорошую возможность сформировать свое собственное мнение о данном деле. Более того, это решение рассматривалось как в Апелляционном административном суде, так и в Верховном

административном суде, но они оставили его без изменений (см. п. 14 и 15 выше).

74. В свете всего вышеизложенного Суд пришел к выводу, что оспариваемое решение было подкреплено “достаточными” основаниями и что, учитывая предоставленные им границы усмотрения, шведские власти имели разумные основания считать, что было необходимо взять детей на попечение, особенно вследствие того, что предварительные меры оказались безрезультатными.

(b) Отказ отменить попечение

75. В своем решении от 17 ноября 1982 г. (см. п. 28 выше) Окружной административный суд выдвинул следующие основания для утверждения решения Совета от 1 июля 1982 г. отказавшего заявителям в отмене попечения над их детьми:

(а) по возвращении в свою приемную семью после посещения родителей Стивен испытывал различного рода беспокойство и вновь стал плохо себя вести, его поездка к родителям 28 июня 1982 г. имела для него неблагоприятные последствия;

(b) заявителям было трудно взаимодействовать с приемной семьей Стивена и Советом;

(с) заявители по-прежнему не осознавали свою неспособность обеспечить детям удовлетворительный уход и дать образование, поэтому существовало опасение, что отмена попечения означала бы большой риск для здоровья и развития детей.

В данном случае эти основания вполне “уместны” для решения оставить детей под попечением. Однако вопрос, являются ли они “достаточными”, требует дальнейшего тщательного рассмотрения.

64. Следует напомнить, что отказ Совета отменить попечение, был основан на докладах, составленных социальными службами, в которых делался вывод, что родители в тот период времени были не способны предоставить детям необходимую поддержку и стимулировать их развитие (см. п. 27 выше). Эти доклады были в свою очередь поддержаны мнениями лиц, хорошо знакомых с обстоятельствами дела, включая психолога Хелену Фагерберг-Мосс. И самое главное, решение Окружного административного суда так же, как и решение Апелляционного административного суда, утвердившего это решение, было основано не только на письменных доказательствах, но также на результатах слушания дела в присутствии заявителей. И это решение Апелляционного административного суда не было отменено (см. п. 29 выше).

Можно было бы подумать, что благоприятное развитие детей, пока они находились под попечением, и особенно явное улучшение и стабилизация положения заявителей к 1982 г. (оба эти факта отмечены в решении Окружного административного суда) говорили против дальнейшего нахождения детей под попечением. Однако Суд считает, что решение не отменять его оправданно, поскольку улучшение обстановки, вызвавшее вопрос об отмене, нельзя с разумным основанием оценить как стабильное; было бы явно не в интересах данного ребенка, если бы он был сначала возвращен к родителям, а затем вскоре снова взят на попечение.

77. В свете всего вышеизложенного, Суд пришел к заключению, что в 1982 г. шведские власти имели “достаточные” основания считать, что реше-

ния об установлении попечения должны оставаться в силе. Не было также установлено, что и впоследствии ситуация изменилась и решения оставались в силе вплоть до их окончательной отмены в разное время в первой половине 1987 г. (см. п. 30, 31 выше).

3. Исполнение решений об установлении попечения

55. По мнению заявителей, выполнение оспариваемых решений также привело к нарушению статьи 8. Они ссылались *inter alia* на то, что дети были помещены в разные приемные семьи, находившиеся на большом расстоянии друг от друга и дома их родителей; на ограничения на посещения детей и условия таких посещений, а также на условия жизни детей в семьях, в которые они были помещены.

56. Оспаривая это, Правительство утверждало, что меры, относящиеся к помещению детей в приемные семьи, были приняты добросовестно, что они не были неразумными и были оправданы особыми обстоятельствами. Оно ссылалось, в частности, на следующие факторы: опасения, что родители могли бы забрать детей, как поступили ранее в отношении Стивена (см. п. 17 выше); желание избежать слишком долгого пребывания детей в детских домах, а также ограниченное число подходящих приемных семей; особые потребности Стивена, что привело к помещению его в семью Эк, с которой он уже был знаком, причем его последующий перевод объяснялся исключительно конфликтами между его естественными родителями и воспитателями (см. п. 17 выше). Правительство выразило мнение, что, учитывая склонность Хелены “брать на себя слишком большую ответственность за своего брата Томаса” (см. п. 12 выше) и особые потребности этих двух детей, было бы нереалистично или “психологически неуместно” помещать их в одну и ту же приемную семью. Правительство также сослалось на возникшие в последний момент трудности и невозможность выполнить первоначальное намерение направить этих двоих детей в одну и ту же деревню (см. п. 19 выше).

Далее Правительство заявило, что враждебное отношение г-на и г-жи Олссон к воспитателям Стивена в приемной семье, а также предпринятая ими ранее попытка забрать его из этой семьи оправдывали первоначальные и последующие ограничения на их доступ к Хелене и Томасу (см. п. 24 выше). Оно также отметило, что заявители в любом случае не воспользовались полностью правом на посещение всех своих троих детей.

80. Суд так же, как и Комиссия, считает, что достоверно не установлено, что качество жизни детей в семьях, куда они были направлены, не было удовлетворительным. Поэтому жалоба заявителей в этой связи должна быть отклонена.

57. Что касается остальных аспектов исполнения решений, то Суд хотел бы прежде всего отметить, что вопрос об усыновлении детей вообще, похоже, не возникал. Решения о попечении представляли собой временную меру, которая должна быть отменена, как только позволят обстоятельства, и любые меры по проведению в жизнь этих решений должны были бы соответствовать конечной цели воссоединения семьи Олссонов.

В действительности шаги, предпринятые шведскими властями, противоречили этой цели. Узы между членами семьи и перспективы их успешного воссоединения волей-неволей ослабляются, если возникают препятствия, мешающие их свободному и регулярному общению. Сам факт помещения

Хелены и Томаса на таком большом расстоянии от родителей и Стивена (см. п. 18 выше) должен был неблагоприятно сказаться на возможности контактов между ними. Ситуация еще больше осложнилась ограничениями, наложенными властями на доступ родителей к своим детям; хотя эти ограничения были до некоторой степени оправданы отношением заявителей к приемным семьям их детей (см. п. 26 выше), нельзя исключить, что безуспешность попыток установить гармоничные отношения, была частично вызвана большим расстоянием между членами семьи. Правда, между Хеленой и Томасом поддерживались регулярные контакты, но основания, выдвинутые Правительством, по которым они не были помещены в одну семью (см. п. 79 выше), не представляются убедительными. Правда также и то, что Стивен нуждался в особом уходе, но этого недостаточно, чтобы оправдать то большое расстояние, которое его отделяло от двух других детей.

Апелляционный административный суд в своем решении от 16 февраля 1987 г. (см. п. 31 выше) прокомментировал ситуацию, касающуюся доступа заявителей к Хелене и Томасу:

“Конечно, не только Олссоны повинны в том, что возникли чрезвычайно плохие отношения между ними, с одной стороны, и Хеленой, Томасом и их соответствующими приемными семьями, с другой. Однако Апелляционный административный суд считает странным, что негативное отношение родителей детей к приемным семьям привело к тому, что Олссоны не видели своих младших детей более двух лет и даже не проявляли какого-либо особого интереса к общению с ними по телефону. Даже если и существовали некоторые трудности, препятствовавшие Совету по социальным проблемам помочь установить между семьями лучшие отношения благодаря, например, действиям представителя родителей и собственной позиции детей, тем не менее хотелось бы, чтобы Совет проявил большую активность и, например, не ограничивал родителей правом посещать детей лишь один раз в три месяца”.

58. Нет никаких оснований предполагать, что шведские власти не действовали добросовестно. Однако этого мало, чтобы считать какие-либо меры “достаточными” в смысле Конвенции (см. п. 68 выше); в этой связи необходимо применить объективный критерий. Изучение аргументов Правительства дает основание считать, что решения властей были частично продиктованы трудностями административного характера; но в такой основополагающей сфере, как уважение семейной жизни, подобного рода соображения должны играть более чем второстепенную роль.

83. В заключение принимая во внимание вышеизложенное следует констатировать, что меры, принятые для исполнения решений, не были подкреплены “достаточными” основаниями (несмотря на нежелание сотрудничать со стороны заявителей), позволяющими считать их соразмерными преследуемой правомерной цели. Они не являлись, соответственно, несмотря на предоставленную национальным властям свободу усмотрения, “необходимыми в демократическом обществе”.

D. Общий вывод

84. Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что именно исполнение решений об установлении попечения, а не сами эти решения или их сохранение в силе нарушает статью 8.

III. О предполагаемом нарушении статьи 3 Конвенции.

55. Заявители утверждали, что они явились жертвами нарушения статьи 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

По их мнению, они подверглись “бесчеловечному обращению” в результате:

(а) того, что у них отобрали детей без достаточных на то оснований;

(b) частых переездов Стивена из одного дома в другой, плохого к нему отношения в семье и его помещения в интернат, руководимый Советом по делам умственно отсталых (см. п. 17 выше);

(с) присутствия полиции, к помощи которой прибегли, когда однажды Стивена и Томаса забирали из родительского дома.

Правительство оспаривало эти утверждения.

86. Комиссия сочла, что она уже рассмотрела в своем докладе, в контексте статьи 8, существенные спорные вопросы, поднятые в пункте (а), и что не возникает отдельного вопроса по статье 3. Суд придерживается того же мнения.

Суд также одобрил (п. 80 выше) вывод Комиссии о том, что заявления о плохом обращении со Стивеном не были обоснованы. Что касается других вопросов, на которые ссылаются г-н и г-жа Олссон в пунктах (b) и (с), то они, по мнению Суда, не могут рассматриваться как “негуманное обращение”.

56. Поэтому нарушение статьи 3 не имело места.

IV. О предполагаемом нарушении статьи 6 Конвенции

57. Г-н и г-жа Олссон заявили, что им не предоставили возможность “справедливого разбирательства” во время слушания дела в национальных судебных инстанциях и, следовательно, они явились жертвами нарушения статьи 6 Конвенции, которая, если она применима, гласит:

“Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое... разбирательство... судом...”.

Кроме жалоб по поводу шведской судебной практики (см. п. 54 выше), заявители ссылались на то, что суды придавали слишком большое значение свидетельствам д-ра Босеус, выступившей в качестве эксперта, (хотя она являлась экспертом Совета), а также на то, как эти свидетельства воспринимались в суде; в более широком плане заявители ссылались на якобы неспособность судов навести должные справки о психическом здоровье заявителей и об их способности заботиться о своих детях.

Эти утверждения были оспорены Правительством и отвергнуты Комиссией.

89. Д-р Босеус была заслушана Окружным административным судом дважды: в первый раз 18 декабря 1980 г. в качестве эксперта (см. п. 13 выше) и второй — 4 ноября 1982 г. в качестве свидетеля, вызванного по просьбе адвоката заявителей (см. п. 28 выше).

Как врач она была одной из тех, кто подписал медицинское заключение, на котором частично основывалось решение Совета от 16 сентября 1980 г. (см. п. 12 выше). В деле подобного рода было вполне разумным заслушать ее как эксперта в 1980 г., поскольку она была широко осведомлена об

обстоятельствах дела. Ее участие в судебном разбирательстве могло быть поставлено под сомнение, если бы было установлено (а это не тот случай), что заявителям не дали возможности подвергнуть ее перекрестному допросу или привлечь контрэксперта с тем, чтобы опровергнуть ее показания.

Жалоба относительно того, как были приняты судом показания д-ра Босеус, относится к слушаниям 1982 г. Однако Суд не убежден, что примеры, приводившиеся заявителями: присутствие г-жи Босеус в зале суда до того, как она начала давать показания, тот факт, что Окружной административный суд якобы не напомнил ей о ее обязанности говорить правду и не настоял, чтобы она ответила на некоторые вопросы, — достаточны для того, чтобы утверждать, что разбирательство дела было несправедливым.

58. Что касается общих утверждений заявителей о нарушении статьи 6, то следует напомнить, что они были представлены в судах своим адвокатом и имели возможность предъявить такие материалы или аргументы, которые считали целесообразными. Единственным исключением был отказ Апелляционного административного суда удовлетворить их просьбу заслушать д-ра Босеус в качестве свидетеля на заседании суда в 1982 г. (см. п. 29 выше); однако к тому времени она уже была заслушана Окружным административным судом.

Рассмотрев национальную судебную процедуру в целом, Суд не находит ничего, что позволяло бы сделать вывод, что она была несправедливой и что шведские суды не провели данное дело должным образом.

59. Поэтому нарушение статьи 6 не имело места.

V. О предполагаемом нарушении статьи 14, в сочетании со статьей 8

92. Заявители утверждали, что вмешательство, повлекшее нарушение их прав, было основано не на объективных данных, а на их “социальном происхождении”, и, следовательно, они являются жертвами дискриминации, что противоречит статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 8. Первая из них гласит:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам”.

Комиссия не нашла ничего в материалах дела, что могло бы подтвердить это заявление, которое было оспорено Правительством.

93. Суд разделяет мнение Комиссии и поэтому отклоняет данную жалобу.

VI. О предполагаемом нарушении статьи 2 Протокола № 1

60. Заявители утверждали, что имело место нарушение второго предложения статьи 2 Протокола № 1 Конвенции, которая гласит:

“Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать,

чтобы такие образование и обучение соответствовали их собственным религиозным и философским убеждениям”.

Заявители доказывали, что нарушение имело место так как:

(а) Томас был помещен в семью, которая принадлежала к определенной религиозной конфессии. Члены приемной семьи брали его с собой в церковь (см. п. 20 выше), в то время как заявители не хотели, чтобы их дети получали религиозное воспитание;

(b) помещение детей в приемные семьи вдали от родителей и без консультаций с ними относительно выбора приемных семей лишило Олссонов возможности оказывать влияние на образование собственных детей.

Правительство оспаривало эти утверждения. Комиссия отвергла первое и не выразила какого-либо мнения относительно второго.

61. Суд согласен с Комиссией, что сам факт государственного попечения над детьми не служил основанием для утраты заявителями всех своих прав по статье 2 Протокола № 1.

Однако Суд отмечает, как это сделала ранее Комиссия, что хотя г-н и г-жа Олссон называют себя атеистами, они не покидали шведскую церковь (см. п. 8 выше) и нет никаких серьезных указаний на то, что они были особенно заинтересованы (за исключением довольно поздней стадии прохождения дела) в воспитании своих детей в атеистическом духе.

Г-н и г-жа Олссон также ничем не дали понять, что то общее образование, которое получали их дети, пока они находились под попечением, фактически чем-либо отличалось от того, которое они сами желали бы для них.

62. В этих обстоятельствах не усматривается какого-либо нарушения статьи 2 Протокола № 1.

VII. О предполагаемом нарушении статьи 13 Конвенции, в сочетании со статей 2 Протокола № 1

97. Заявители утверждали, что у них не было никакого правового средства против нарушения статьи 2 Протокола № 1, которое состояло в том, что они не могли воспрепятствовать религиозному воспитанию Томаса. Поэтому они стали жертвами нарушения статьи 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

98. Суд выражает согласие с Комиссией и Правительством в том, что вышеуказанное утверждение заявителей должно быть отвергнуто. Не говоря уже о возможности обратиться в Окружной административный совет любой родитель мог после вступления в силу Закона 1980 г. обжаловать в Окружной административный суд решение, принятое Советом по социальным проблемам о помещении детей в приемные семьи (см. п. 50 *in fine* выше). И раньше, и после этого вопрос о религиозном воспитании детей мог бы быть поднят и рассмотрен, когда заявители требовали отмены попечения (см. п. 49 *in fine* выше). Нет ничего, что позволило бы говорить, что эти неиспользованные средства правовой защиты, не были бы “эффективными” по смыслу статьи 13.

VIII. Применение статьи 50 Конвенции

99. В соответствии со статьей 50 Конвенции,

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также, если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Заявители потребовали в соответствии с этой статьей возмещения морального вреда в сумме 30 млн. шведских крон, а также возмещения судебных издержек и расходов в сумме 884 500 шведских крон. Первая сумма должна быть выплачена (если только Суд не распорядится выплатить ее только заявителям) им и их детям в пяти равных долях.

A. Вред

100. В судебном заседании Правительство, резервируя свою позицию, дало тем не менее понять, что оно считает сумму для возмещения ущерба чрезмерной. Представитель Комиссии также придерживалась того мнения, что затребованная сумма несоразмерно велика; она сочла, что сумма в 300 000 шведских крон была бы разумной и справедливой.

101. Суд считает, что, несмотря на оговорку Правительства, этот вопрос готов для вынесения решения (статья 53 п. 1 Регламента Суда). Прежде всего Суд отмечает, что не может принять требование, содержащееся в прошении, поданном заявителями 27 июля 1987 г., о справедливом возмещении ущерба детям; в данном разбирательстве заявителями являются только г-н и г-жа Олссон.

65. Нарушение статьи 8, установленное Судом в данном деле, было вызвано исключительно методами проведения в жизнь решений о попечении (см. п. 84 выше). Это означает, что у заявителей отсутствует право на справедливое возмещение в связи с самими этими решениями. Речь может идти лишь о вреде, который они могли понести по причине разлучения детей, помещения Хелены и Томаса на большом расстоянии друг от друга и дома родителей и в связи с ограничениями на посещение детей.

По мнению Суда, нет никакого сомнения в том, что эти обстоятельства создали для г-на и г-жи Олссон значительные неудобства и прежде всего вызвали у них серьезную тревогу и причинили страдания. Регулярные и частые контакты с детьми были в значительной степени затруднены, и возможности для всей семьи собраться вместе, были минимальными. И подобное положение, с плачевными последствиями для семьи заявителей, продолжалось в течение целых семи лет.

Эти факторы не поддаются точным количественным оценкам. Делая такую оценку на основе справедливости, как того требует статья 50, Суд присуждает совместно г-ну и г-же Олссон по этому пункту сумму в 200 000 шведских крон.

B. Судебные издержки и расходы

103. Требование заявителей о возмещении судебных издержек и расходов в сумме 884 500 шведских крон было составлено на основании следующих расчетов:

(а) 630 700 шведских крон за работу их адвоката в течение 901 часа (700 шведских крон в час) при прохождении дела в национальных инстанциях и 14 600 шведских крон за связанные с этим расходы.

(b) 234,500 шведских крон за работу в течение 335 часов (по тому же тарифу) при прохождении дела в Комиссии и Суде и 4700 шведских крон за связанные с этим расходы.

Правительство оспаривало эти требования в нескольких отношениях, доказывая, в частности, что: смета, составленная заявителями о выплаченных гонорарах и расходах, которые они понесли во время разбирательства в национальных судах, не была достаточно точной. Искомая сумма частично относилась к работе над вопросами, которые не были существенны для рассмотрения дела в органах Конвенции в Страсбурге, и частично — к работе, которая не была необходима. Почасовая оплата, хотя и приемлема при разбирательстве дела в Страсбурге, является чрезмерной при рассмотрении дела в национальных судах; и указанное время, которое потратил адвокат заявителей в процессе прохождения дела в Страсбурге, превысило все разумные пределы. Правительство выразило готовность выплатить общую сумму компенсации в 290 000 шведских крон в качестве гонорара адвокатам и 12 800 шведских крон за судебные расходы при условии пропорционального сокращения тех требований со стороны г-на и г-жи Олссон, которые Суд не подтвердит.

Представитель Комиссии нашла сумму возмещения, затребованную заявителями, чрезвычайно высокой, она согласилась со многими замечаниями Правительства и сочла, что суммы, предложенные заявителям, могут стать исходным пунктом оценки Суда.

66. В соответствии со статьей 50 возмещение может быть присуждено в отношении тех издержек и расходов, которые (а) были необходимы и действительно были понесены потерпевшей стороной для того, чтобы добиться через национальную судебную систему предотвращения или исправления какого-либо нарушения закона, что должно быть подтверждено Комиссией, а затем Судом с тем, чтобы исправить положение; (b) были бы разумными в отношении размеров (см. среди многих источников решение по делу Фельдбрюгге от 27 июля 1987 г. Серия А, т. 124-А, с. 9, п. 14).

105. (а) Суд установил, что ни само решение об учреждении попечения, ни отказ отменить его не привели к нарушению статьи 8 (см. п. 84 выше). Следовательно, в той мере — весьма значительной, — в какой шаги, предпринятые заявителями при рассмотрении дела в национальных инстанциях, относились к данным вопросам, в отличие от проведения в жизнь решений о попечении, возмещению в соответствии со статьей 50 в отношении расходов и издержек, не подлежат. Более того, некоторые искомые суммы, например, те, которые относятся к контактам адвоката заявителей с журналистами, чтобы привлечь внимание к данному делу в Швеции и за рубежом и к расследованию убийства, якобы, совершенного в детском доме, куда был помещен Стивен, не могут считаться “необходимыми”. Другие расходы касались вопросов, находящихся за рамками рассматриваемого Судом дела, таких, как запрет забрать Хелену и Томаса из домов их приемных семей (см. п. 57 выше).

(b) Что касается издержек и расходов, относящихся к разбирательству дела в Страсбурге, то Правительство не отрицало, что заявители приняли на себя обязательство заплатить некоторые суммы дополнительно к тем, которые были покрыты ими за счет судебной помощи, полученной от Сове-

та Европы (см. *inter alia* решение по делу Инце от 28 октября 1987 г. Серия А, т. 126, с. 22, п. 56). Суд тем не менее разделяет мнение Правительства, что затребованная сумма является чрезмерной. Он также согласен, что присуждаемая сумма должна отражать тот факт, что некоторые из весьма серьезных жалоб заявителей не были удовлетворены (см. решение по делу Джонстон и другие от 18 декабря 1986 г. Серия А, т. 112, с. 39, п. 86).

106. Принимая во внимание все вышеуказанные факторы, а также соответствующие выплаты, в порядке судебной помощи произведенные Советом Европы, и делая оценку расходов на основе принципа справедливости, Суд считает, что г-н и г-жа Олссон вместе имеют право на компенсацию судебных издержек в сумме 150 000 шведских крон.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* единогласно возражение Правительства относительно предмета судебного разбирательства;

2. *Постановил* десятью голосами против пяти, что решение об учреждении попечения над детьми и сохранение его в силе не явилось нарушением статьи 8 Конвенции;

3. *Постановил* двенадцатью голосами против трех, что имело место нарушение статьи 8 в результате применения методов, которыми исполнялось указанное решение;

4. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 6 Конвенции не имело места;

5. *Постановил* единогласно, что нарушение статьи 3 Конвенции, статьи 14 Конвенции, в сочетании со статьей 8, статьи 2 Протокола № 1 статьи 13 Конвенции, в сочетании с указанной статьей 2, не имело места;

6. *Постановил* единогласно обязать Швецию возместить заявителям моральный вред в сумме 200,000 (двести тысяч) шведских крон и судебные издержки и расходы в сумме 150 000 (сто пятьдесят тысяч) шведских крон (на двоих);

7. *Отклонил* единогласно требование о справедливом возмещении остаточной суммы.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 марта 1988 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда, к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ЧИСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РИССДАЛА, ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА И ГЁЛЬКЮКЛЮ

Что касается предполагаемого нарушения статьи 8 Конвенции, то мы можем поддержать постановление Суда лишь частично.

I. Введение

Отделение детей от родителей ввиду принятого государственным органом решения о взятии их на попечение представляет собой серьезное вмешательство государственных органов в семейную жизнь. В этом смысле очень важно защитить родителей и детей от произвольного вмешательства. Соответствующее государство должно быть способным продемонстрировать, что взгляды и интересы родителей были должным образом учтены и что весь процесс принятия решений построен таким образом, чтобы гарантировать, что принимаемые меры необходимы для защиты интересов детей.

Важной чертой соответствующего шведского законодательства является возможность судебного разбирательства в административных судах и в компетенции этих судов подробно рассмотреть вопрос о том, следует ли брать детей на попечение и каким образом это решение должно исполняться.

Установлено, что задолго до событий, приведших к возникновению данного дела, различные социальные учреждения серьезно занимались проблемами семьи Олссон. Применялись методы семейной терапии, но безуспешно. Согласно исследованию фактов и обстоятельств, проведенному окружным Советом по социальным проблемам и компетентными национальными судебными органами, родители были не в состоянии удовлетворительно заниматься воспитанием детей, что в августе—сентябре 1980 г. привело к возникновению своего рода чрезвычайной ситуации, в результате которой Совет решил, что необходимо взять детей на попечение.

II. Решение об установлении попечения

Мы разделяем мнение Суда, что это решение и сохранение его в силе до 1987 г. не означает нарушения статьи 8 Конвенции по основаниям, указанным соответственно в п. 71—74 и 75—77 решения. В этом контексте мы хотели бы подчеркнуть два факта: во-первых, решение Совета от 16 сентября 1980 г. было подтверждено хорошо мотивированными решениями Окружного административного суда (30 декабря 1980 г.) и Апелляционного административного суда (8 июля 1981 г.); во-вторых, последующий отказ Совета отменить попечение был подтвержден убедительно обоснованными решениями Окружного административного суда (17 ноября 1982 г.) и Апелляционного административного суда (28 декабря 1982 г.).

III. Исполнение решений

Пункт 78 решения Суда констатирует, что заявители жаловались на (i) помещение детей в разные дома и на большом расстоянии друг от друга и родителей; (ii) особые условия и ограничения на посещение детей в приемных семьях; и (iii) условия жизни в них.

Прежде всего мы хотели бы подчеркнуть, как это сделал сам Суд, что нет ничего, дающего основание предположить, что шведские власти не действовали добросовестно при исполнении решений.

Что касается последней жалобы, указанной выше, то здесь мы разделяем мнение Суда, что у него нет свидетельств, подтверждающих, что качество заботы, предоставленной детям в приемных семьях, было неудовлетворительным. Соответственно, эта жалоба должна быть отклонена.

Что касается жалобы относительно того, что Хелена и Томас были переданы в семьи, проживающие далеко от Гетеборга, то мы хотели бы отметить прежде всего, что когда решение, как это было в данном случае, рассматривается в качестве временной меры, то обычно считается желательным помещать детей в приемные семьи, недалеко от дома родителей. Однако ввиду поведения г-на и г-жи Олссон осенью 1980 г., когда они вывезли и спрятали Стивена, было вполне разумным решение Совета, что Хелена и Томас не могут быть переданы в приемные семьи в районе Гетеборга. Представляется весьма неудачным, что они были помещены в приемные семьи на таком большом расстоянии от Гетеборга, но было довольно трудно найти приемных родителей, способных и желающих удовлетворить специфические потребности этих двух детей. По нашему мнению, точка зрения Совета о нецелесообразности передачи их обоим в одну и ту же семью должна быть принята. Более того, мы с удовлетворением отмечаем, что Совет действительно старался поместить их в семьи, проживающие в одной и той же деревне, но это стало невозможным, поскольку одна из отобранных семей в конце концов отказалась принять у себя ребенка. В любом случае, национальные власти должны обладать широким полем усмотрения в этом отношении, поскольку соответствующее решение должно быть основано на всесторонней оценке целого ряда фактов, включая наличие подходящих приемных семей и потребностей детей, взятых под опеку.

Что касается ограничений на посещение детей, то следует заметить, что Окружной административный суд подтвердил их в двух случаях и что после его решения от 30 октября 1985 г. г-н и г-жа Олссон отозвали свою жалобу по этому поводу при последующем разбирательстве в Апелляционном административном суде (см. п. 24 решения Суда). Более того, они не использовали полностью свое право на посещение детей, и что касается контактов с детьми в целом, все поведение заявителей во многом свидетельствовало о нежелании сотрудничать с приемными семьями и организациями, занимающимися социальными вопросами (см. п. 25, 26 решение Суда).

Учитывая особые обстоятельства данного дела и учитывая пределы усмотрения, предоставленного национальным компетентным органам, мы пришли к выводу, что меры, принятые во исполнение решения о попечении, могут с достаточным основанием считаться необходимыми и соразмерными преследуемой легитимной цели и, следовательно, они не привели к нарушению статьи 8 Конвенции.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПИНЕЙРО ФАРИНЬИ, ПЕТТИТИ, УОЛША, РУССО И ДЕ МЕЙЕРА

Мы придерживаемся того мнения, что как сами спорные решения, так и их исполнение, явились неоправданным посягательством на права заявителей, гарантирующие уважение их семейной жизни.

Мы считаем, что нельзя принять тот факт, что дети могут быть изъяты у родителей без предварительного судебного решения, за исключением чрезвычайных обстоятельств.

Более того, мы считаем, что в данном деле не было доказано, что такие меры были действительно “необходимыми в демократическом обществе”.